

В. П. КРУГЛЯШОВА

Свердловск

К ИСТОРИИ И МЕТОДИКЕ СОБИРАНИЯ ПРЕДАНИЙ

I.

При исследовании истории любого фольклорного жанра встает в качестве первоочередного вопрос об источниках, их научной достоверности.

Тщательное изучение источниковедческой базы диктуется спецификой фольклорного материала и сложностью его собирания и публикации. Тексты произведений собирались и публиковались в разное время, разными людьми, с различными целями. Следствием этого является необыкновенная пестрота материала, научный потенциал которого неодинаков. Наряду с точными записями встречаются полуфольклорные-полуфальсифицированные материалы, есть и прямые фальсификации, что закономерно выдвигает на первый план понятие «степень научной достоверности» источника, произведения.

Выяснение степени научной достоверности текстов — обязательный и весьма ответственный этап исследования — требует определенного объективного критерия оценки. Выработка такого критерия для каждого жанра — еще не вполне решенная в советской фольклористике задача. Проблемы фольклористической текстологии в историко-фольклористическом и эдиционном аспектах систематически рассматриваются на страницах фольклорных изданий примерно с середины 50-х гг.¹ К настоящему времени до-

¹ В. Я. Пропп. Текстологическое редактирование записей фольклора. — Русский фольклор, т. I. М.—Л., 1956; В. Н. Пугилов. О принципах научного издания исторических песен. — Русский фольклор, т. III. М.—Л., 1958; Он же. Об историческом изучении фольклора. — Русский фольклор, т. V. М.—Л., 1960; Он же. Вопросы текстологии русского фольклора. — В кн.: Издание классической литературы. Л., 1963. Проблемам фольклорной текстологической теории посвящена работа К. В. Чистова «Современные проблемы текстологии русского фольклора». Доклад на заседании Эдиционно-текстологической комиссии V Международного съезда славистов. М., 1963. Работа содержит обширную библиографию исследований по общим вопросам текстологии (стр. 1), по текстологии отдельных изданий XIX—XX вв. (стр. 28—29), по вопросу атрибуции

статочно четко выяснено, что научная достоверность текстов обусловлена комплексом обстоятельств, среди которых существенную роль играют приемы собирания и записи произведений, подготовки текстов к печати, цели и задачи публикации, принципы издания. Фольклорные публикации последних лет убеждают в актуальности этой проблемы, так как фольклорная практика (как издательская, так и исследовательская) расходится с теми рекомендациями, которые содержатся в трудах по вопросам текстологии и которые, казалось бы, приняты советскими фольклористами². Эти обстоятельства делают необходимым выяснение приемов и методов собирательской работы в отдельных жанрах.

II.

В дооктябрьской фольклористике не велось специального собирания и изучения преданий. Отсутствует название этого жанра в видовой классификации русского фольклора в учебных пособиях³. Не выделен жанр предания из «рассказов разного содержания» в программе 1917 г. для собирания произведений народной словесности⁴. Советской фольклористике пришлось прокладывать методико-методологические пути собирания и изучения преданий, отбирая лучшее из собирательской методики дореволюционного времени.

Фольклорных текстов (стр. 32 и далее). В 60-е гг. вышел сборник «Принципы текстологического изучения фольклора». М.—Л., 1966. Есть достижения в текстологическом изучении отдельных жанров: причитаний (Причитания. Вступительная статья и примечания К. В. Чистова. Подготовка текста Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова. Л., 1960), исторических песен (Б. Н. Путилов. Текстологические заметки к песням разинского цикла. — В сб.: Русская народная поэзия, вып. 1. Горький, 1961; *Он же*. К вопросу о составе разинского песенного цикла. Былина о Соколе-корабле. — Русский фольклор, т. VI. М.—Л., 1961).

² Практика фольклорных публикаций последних лет показывает, что печатаются произведения текстологически недостоверные (см. рецензию Ф. Селиванова на сборник В. Сидельникова «Былины Сибири» (Томск, 1968) — Русский фольклор, т. XII. М.—Л., стр. 295—297), или без паспортных данных (*Там же*, стр. 295). Сборник песен Южного Урала (составитель А. И. Лазарев) содержит фальсифицированные тексты И. С. Зайцева (см. о факте фальсификации этих песен в диссертации В. П. Кругляшовой «Исторические предания и песни на горнозаводском Урале о Пугачевском восстании». М., 1955, стр. 175—177. Затем факт фальсификации этих текстов отмечен Л. В. Домановским в статье «Вопросы датировки и текстологического изучения некоторых антикрепостнических произведений». — В кн.: Принципы текстологического изучения фольклора. М.—Л., 1966, стр. 166). И тем не менее составитель включает в сборник песен 1969 г. оба эти текста. В книге А. И. Лазарева «Предания рабочих Урала как художественное явление» (Челябинск, 1970) на стр. 23—24 дается сводный текст «предания» о чуде, автор даже заключает его в кавычки, а затем анализирует как действительно фольклорный.

³ А. Галахов. История русской словесности, древней и новой. М., 1894, стр. 4. Термин «эпическое предание» в книге А. Галахова имеет обобщенный смысл и обозначает жанры, пришедшие из дохристианской поры; жанр предания среди них не указан; М. Н. Сперанский. Курс русской устной словесности. М., 1916.

⁴ Программа для собирания произведений народной словесности. Изд. 3-е. М., 1917.

От передовой дооктябрьской фольклористики советская наука унаследовала комплекс методических правил и приемов, проверенных на обширном практическом опыте: требование точности и полноты записи и в этих целях повторного прослушивания произведения; обстоятельной документации записанного произведения; внимания к личности сказителя (певца, сказочника и т. п.); записи его биографии; бережного отношения к исполнительству как творческому акту; записи вариантов⁵.

Если в XIX в. в науке о фольклоре еще не было твердого сознания необходимости точной записи (этому требованию отвечали лишь отдельные сборники, например, «Онежские былины» А. Ф. Гильфердинга), то к 1917 г. это требование сформировалось как основное. Оно опиралось на собирательскую практику фольклористов начала XX в. — братьев Ю. М. и Б. М. Соколовых, Н. Е. Онуцкого, Д. К. Зеленина и вошло в программы для собирания⁶. Специальный раздел (Б) программы предусматривает запись «рассказов разного содержания». Термина «предание» нет, раздел в жанровом отношении не дифференцирован, включает и воспоминания и сказки (пункт 26), но в подробное перечисление тематики входит тематика преданий: «...о разных народах... о местах, где скрыты клады... исторического содержания: о царях, героях, общественных деятелях... о прежних войнах, о политических событиях... воспоминания о прошлом, о крепостном праве»⁷.

Раздел «Б» содержит рекомендации, выполнение которых даст собирателю-исследователю материал об отношении народа к рассказываемому, о «внутренней обстановке» (Н. А. Добролюбов) исполнения, об условиях бытования и возможных источниках рассказов: «...Указать, как относится рассказчик к тому, что он рассказывает, как относятся слушатели... Какие обстоятельства располагают к рассказыванию... Какие книги и картины находятся в обращении в данной местности»⁸.

В 1921 г. состоялась Всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края с докладом Ю. М. Соколова «Материалы по народной словесности в общем масштабе краеведных работ». Были определены задачи собирания и изучения фольклора: «В первую голову собрать исчезающий материал уходящего прошлого, изучать влияние войны и революции на быт населения»⁹. Докладчик обратил внимание на то, что «почти исключительный интерес к «археологической» стороне устной поэзии, господствовавший в науке до последнего времени, затемнял ценность ее как живого голоса крестьянства о самом себе в наши дни». Конференция призвала к собиранию народных песен, ча-

⁵ Программа для собирания произведений народной словесности, разделы А и Э.

⁶ Там же, стр. 5—6.

⁷ Там же, стр. 11—13.

⁸ Там же.

⁹ Дневник Всероссийской конференции, 1921, № 2, стр. 24.

стусшек, легенд современности, чтобы будущие историки революции «имели бы большой материал о сменявшихся настроениях масс в том или другом крае»¹⁰. Эти правильные теоретические установки дополнялись методическими советами записи фольклорных произведений. В качестве основных, совершенно необходимых требований выдвигались точность и полнота записи, четкая и обстоятельная документация фольклорных текстов, внимание к личности певца, сказочника.

Направляя фольклористов на собрание «в массовом масштабе» материалов, отражающих современность, Ю. М. Соколов выдвинул задачу — систематическое их издание в научных целях¹¹. При этом требование научной достоверности выдвигалось в качестве основного и играло роль критерия при оценке публикаций. Примером может служить оценка книги С. Федорченко «Народ на войне»¹². В 1921 г. Ю. М. Соколов, отмечая, что в книге собраны «легенды, сказания и просто разговоры», что «материал говорит здесь сам за себя», в то же время очень сомневался в научной достоверности материала, не паспортизованного, с очевидными признаками стилевой обработки: «Федорченко преследовала не научную цель, а литературную»¹³. Позднее, в предисловии к книге «Революция» и во время дискуссии о книге «Устные рассказы о Ленине» Ю. М. Соколов более резко скажет о книге С. Федорченко как о фальсификации фольклора: «Главный грех Софьи Федорченко заключается в том, что она выдала свою собственную литературную стилизацию «под народ», в художественном плане допустимую, за подлинный документ, вводя в заблуждение широкие массы читателей, веривших ей на слово. Не думаю, что автор ничего не почерпнул из того, что слышал в солдатской массе на войне, но все слышанное и узнанное преподнес читателю в своей переработке, тщательно при этом ее маскируя»¹⁴. Через несколько лет при обсуждении доклада С. Мирера и В. Боровика «Рабочие сказы о Ленине» книга С. Федорченко фигурировала как отрицательный пример: «...нужно избегать того, что сделала С. Федорченко. У нее получилась спекуляция на том, что это подлинный фольклор»¹⁵. Таким образом, критерий научной достоверности

¹⁰ Дневник Всероссийской конференции, стр. 56.

¹¹ Ю. М. Соколов. Материалы по народной словесности в общем масштабе краеведных работ. — В сб.: Вопросы краеведения. Доклады, сделанные на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 года. Б. м., 1923, стр. 109—110.

¹² С. Федорченко. Народ на войне. Фронтные записи. Киев, 1917.

¹³ Ю. М. Соколов. Материалы по народной словесности., стр. 110.

¹⁴ Революция. Устные рассказы уральских рабочих о гражданской войне, составители Семен Мирер и Василий Боровик. М.—Л., 1931, стр. 14. Здесь же Ю. М. Соколов пишет: «Окончательное раскрытие всей сущности книг Софьи Федорченко и справедливая расценка ее «творчества» были даны в одном из гневных фельетонов Демьяна Бедного в «Известиях» года два назад» (стр. 14).

¹⁵ П. Богословский. О советском революционном эпосе и методике его собирания и изучения. (Спорные вопросы доклада Мирера и Боровика «Рабочие сказы о Ленине»). — «Советское краеведение», 1934, № 7, стр. 44.

публикуемых материалов несказочной прозы занял свое место в советской фольклористике с первых лет ее развития. Уточнение оценки от 20-х к 30-м гг. в сторону выявления научной несостоятельности книги показывает рост и формирование теоретических основ науки о фольклоре. По мере того как оформлялись методико-методологические принципы, оценки становились строже и научно требовательнее.

Твердое сознание необходимости точных, документированных записей имело место в 20-е гг. не только в установочных докладах ведущих советских фольклористов и в критических оценках публикаций, но и в программах и методических пособиях по собиранию фольклорных произведений. При этом следует заметить, что методика записи жанров несказочной прозы — преданий, легенд — в пособиях тех лет не разработана¹⁶. Некоторое исключение составляет лишь пособие М. Азадовского «Беседы собирателя», высоко оцененное Ю. М. и Б. М. Соколовыми¹⁷. Говоря о пробелах в собирании сибирского фольклора, М. Азадовский упоминает «местные предания»¹⁸, имеющие «особый интерес», подчеркивает необходимость их скорейшей записи и указывает тематику: о Радищеве, о Чернышевском, о декабристах, о знаменитом начальнике каторги в Забайкалье — Разгильдееве¹⁹, а также о событиях гражданской войны и социалистического строительства²⁰. Рекомендаций о записи преданий М. Азадовский не дает, но советы его о собирании фольклорных произведений всех жанров, несомненно, распространяются и на предания: бережное отношение к тексту, или, еще точнее, к слову и звуку, чтобы избежать характерных для собирателей стремлений: «обнародить» текст или «облитературить»²¹. «Научная запись — запись слово в слово», обязательное снабжение каждой записи научным паспортом²².

Критерий научно достоверной записи оформлялся в фольклористике 20-х гг. как с помощью утверждения проверенных в собирательской работе приемов и методов, так и разоблачения ненаучных записей. Б. и Ю. Соколовы следующим образом делают это в своем методическом пособии 1926 г.: «Ненаучная запись характеризуется наличием переделок собирателем, изменением и исправлением текста на свой вкус. Большим злом является в любительских записях стремление к нарочитой стилизации «под народ», отчего устное произведение, перегруженное формами и оборотами «народного стиля» в таком неумеренном количестве и та-

¹⁶ Н. Е. Ончуков. Что и как записывать по народному творчеству. — «Красное знамя», т. 2. № 3. 1925.

¹⁷ В пособии «Поэзия деревни» (М., 1926) Б. и Ю. Соколовы характеризуют его следующим образом: «очень ценная, живо написанная книжка» (стр. 79).

¹⁸ М. Азадовский. Беседы собирателя. Иркутск, 1924, стр. 23.

¹⁹ Там же, стр. 32.

²⁰ Там же, стр. 35.

²¹ Там же, стр. 43.

²² Там же, стр. 44.

кой комбинации, выдает с головой всю его искусственность»²³.

Научна та запись, которая точно закрепляет устный рассказ информатора, полно документирована и не подвергнута обработке собирателем. Недопустимы никакие изменения и исправления. Фольклорные произведения должны записываться и публиковаться в их точной форме. Составление сводных текстов антинаучно.

*   *
*   *

Методико-методологический спор возник в первой половине 30-х гг. вокруг книги С. Мирера и В. Боровика «Рассказы рабочих о Ленине»²⁴. Уже первая книга этих собирателей и составителей «Революция. Устные рассказы уральских рабочих о гражданской войне»²⁵ собиралась и составлялась таким способом, который не мог обеспечить научную достоверность текстов.

И. Рабинович подает как достижения С. Мирера следующие приемы собирания:

«1 — связка текстов. Предположим, записано несколько рассказов об одних и тех же событиях из гражданской войны. Путем сопоставления их друг с другом удастся отделить факт от случайного, частного.

2 — связка текстов при рассказчиках, так называемая очная ставка.

3 — запись, когда на руках есть другое воспоминание, по которому «тайно» проверяется рассказ...

5 — запись воспоминаний с подробным допросом. Это имеет место в том случае, когда рассказчик допускает много неточностей. Тогда нужно превращаться в сурового следователя.

6 — запись рассказа при свидетелях тех событий, о которых будут воспоминания. Это заставляет рассказчика насторожиться и более точно передавать факты»²⁶.

Вызывает возражение явная в рекомендациях обстановка следствия, при которой собиратель устраивает «очную ставку», «подробный допрос», приглашает «свидетелей», а сам становится «суровым следователем». Не может быть принят и опыт «связки текстов», ведущий к сводным текстам, за которыми совершенно теряется личность отдельного рассказчика.

После записи, произведенной подобным образом, рассказы подвергались обработке, с которой автор статьи пишет следующим образом: «Выбрасываются места, не несущие никакой смысловой нагрузки, повторения слов, слишком утомляющие читателя, все неточности, ошибки в передаче фактов и т. д. Эта литератур-

²³ Поэзия деревни, стр. 52—53.

²⁴ Рассказы рабочих о Ленине. Записали С. Мирер и В. Боровик. М., 1934.

²⁵ С. Мирер и В. Боровик. Революция. Устные рассказы уральских рабочих о гражданской войне. М.—Л., 1931.

²⁶ И. Рабинович. О записи воспоминаний. Из опыта работы т. С. Мирера. — В сб.: История заводов, вып. 4—5. М., 1933, стр. 209.

ная обработка является одним из самых трудных дел, так как в этой области не накоплено никем сколько-нибудь значительного опыта». В процесс литературной обработки воспоминаний включается, по свидетельству автора статьи, и монтаж, т. е. перестановка частей рассказа, создание новой композиции. При этом рекомендуется: «По возможности, план рассказа нужно стараться выработать с самим рассказчиком. Если же это не удастся, тогда на сцену должны явиться пожницы...»²⁷.

Появление в 1934 г. книги рассказов-воспоминаний о В. И. Ленине, приготовленной таким же способом, как и книга «Революция», вызвало научную дискуссию, в процессе которой подобный метод работы не был принят в фольклорной собирательской и издательской практике.

С. Мирер и В. Боровик обратились к устным рассказам о революции, гражданской войне, о Ленине как к историческому источнику. В таком подходе есть большой научный смысл. Но при этом совершенно необходимо было учесть устный характер материалов, наличие в них вымысла и домысла, личных оценок рассказчиков и отнестись к этим моментам осознанно бережно. Собиратели же обработкой нарушили историзм рассказов, в результате чего материалы получили весьма относительную историческую ценность и почти утратили фольклорную.

При обсуждении книги В. И. Чичеров отметил, что опубликованные произведения — это не фольклор, так как они обработаны. Он признал большую ценность в собранном материале именно тех мест, которые квалифицировались составителями как «искажения в передаче событий» и на этом основании обрабатывались или просто выбрасывались. Для него как для фольклориста больший интерес представляет собранное «сырье» (термин С. Мирера.—В. К.), чем обработанные и напечатанные рассказы²⁸. В. А. Мещанинова, М. Я. Феноменов выразили беспокойство в связи с методом «чистки» текстов, который может уничтожить художественность рассказа и придать ему схематизм. Необходимы полные образцы записей — в интересах научности и в интересах сохранения своеобразности²⁹. Всякая обработка может повредить этим записям как документу социологическому: «Если мы собираем материал для того, чтобы изучить те группы людей, которые высказываются, то конечно, это прием неверный»³⁰.

П. С. Богословский высказал опасение по поводу того, что «если пользоваться широким творческим подходом к фольклорным материалам, то на местах, особенно в низовой краеведной

²⁷ И. Рабинович. О записи воспоминаний. Из опыта работы т. С. Мирера, стр. 209.

²⁸ П. Богословский. О советском революционном эпосе и методике его собирания и изучения. (Спорные вопросы доклада Мирера и Боровика «Рабочие сказки о Ленине»). — «Советское краеведение», 1934, № 7, стр. 44.

²⁹ Там же, стр. 42—43.

³⁰ Там же, стр. 43.

сети, возможны самые невероятные операции с фольклором... пропущенный через «творческое» сознание собирателей фольклорный материал едва ли можно относить к категории подлинно рабочего эпоса в силу часто наблюдающейся субъективности собирателей»³¹.

Ю. М. Соколов предупредил об опасности «скомпрометировать большое и нужное дело неверными собирательскими и составительскими приемами: обработка записанного материала — сокращение, перестановка, создание сводных текстов, преследование целей «художественного порядка». «Вопрос о новом фольклорном стиле... о новом виде пролетарского эпоса, мы можем разрешить только тогда, когда будем совершенно до конца убеждены, что каждое слово в данном произведении принадлежит действительно пролетарскому сказу, а не собирателям»³².

И тем не менее сторонники обработки устных рассказов, записанных у народа, еще не сдали свои позиции. В 1936 г. появилась статья А. Гуревича «Как записывать и обрабатывать устные рассказы. К вопросу о методике записи и обработки устных рассказов»³³. Автор как бы осуждает С. Мирера и В. Боровика за обработку: «подлинно-сказительского остается пятьдесят процентов», «рассказы страдают однотонностью, ощущается желание собирателей обязательно все втиснуть в стандартные литературные рамки»³⁴. В итоге же оказывается, что А. Гуревич не против обработки народных рассказов, он за нее. Для него ошибка составителей состоит в том, что «начинающему фольклористу... показывают только итоговую... работу — окончательную обработку текстов», а он считает для себя идеалом «такую подачу записи и обработки устного рассказа, которая бы обнажала всю лабораторию нашей фольклористской работы». По мнению автора, этого еще не удалось достигнуть: «вопрос обработки устных рассказов еще находится в стадии разрешения, здесь еще идет медленное накопление методов работы»³⁵.

Примеры вольного обращения с текстами преданий и легенд находим в сборнике «Старый фольклор Прибайкалья»³⁶. В разделе I «Каторга и ссылка» А. В. Гуревич помещает баргузинские устные рассказы и легенды о декабристах (№ 1—15), записанные им. Составитель компокует записанное по своему усмотрению: «В процессе сбора носители фольклора рассказывали те или другие факты и легенды не всегда в последовательном порядке, по-

---

³¹ П. Богословский. О советском революционном эпосе и методике его собирания и изучения, стр. 43.

³² Там же, стр. 44.

³³ А. Гуревич. Как записывать и обрабатывать устные рассказы. К вопросу о методике записи и обработки устных рассказов. — «Известия общества изучения восточно-сибирского края», т. I (LVI). Иркутск, 1936.

³⁴ Там же, стр. 54.

³⁵ Там же, стр. 55.

³⁶ Старый фольклор Прибайкалья. Улан-Удэ, 1939.

этому при опубликовании записи расположены мною тематически»³⁷. Составитель не дает цельных текстов. Он перемежает отрывки рассказов своими комментариями. Отдельные отрывки выглядят ответом на поставленный собирателем вопрос, однако вопросы к информатору не даются. Документация текстов неполна. Так, не сообщен возраст рассказчиков, собиратель ограничивается указанием: «Все они были весьма преклонного возраста»³⁸.

В разделе II «Местные предания» содержится 5 текстов (№ 16—20), стиль которых далек от устного, разговорного, и весьма близок к письменному.

Критического отношения требуют также материалы преданий и легенд, опубликованные Е. М. Блиновой³⁹. Нам приходилось писать об обработке ею текстов пугачевских преданий. Составительница сборников сводила воедино записанные от нескольких информаторов небольшие по объему предания. При этом весьма обильно дополняла своим текстом, или придуманным, или почерпнутым из письменных источников⁴⁰. По сообщению Э. В. Померанцевой, в 1941 г. были получены академиком Ю. М. Соколовым от уральских писателей материалы, показывающие, как Е. М. Блинова сводила записи и литературно обрабатывала фольклорные тексты⁴¹.

Чем объяснить появление обработанных, научно недостоверных текстов во второй половине 30—начале 40-х гг.?

Велика была потребность в фольклорных материалах в обществе, народ которого героическим трудом восстановил свою страну и заложил фундамент социализма,—фольклористы стремились ответить на эту потребность. Выходят при участии и под руководством А. М. Горького, воодушевленного идеей создания героического эпоса наших дней, первые книги из серии «История фабрик и заводов» — «Были горы Высокой»⁴², появляется первый сборник рабочего фольклора из материалов горнозаводского Урала — «Дореволюционный фольклор на Урале»⁴³. К 20-летию Советской власти вышел том «Творчество народов СССР» с предисловием А. М.

---

³⁷ Старый фольклор Прибайкалья, стр. 11.

³⁸ Там же.

³⁹ Е. М. Блинова. Сказы, песни, частушки. Челябинск, 1937; Она же. Тайные сказы рабочих Урала. М., 1941.

⁴⁰ Сведения эти взяты мной из беседы с Е. М. Блиновой в ноябре 1955 г., а также из анализа текстов. — См.: В. П. Кругляшова. Материалы к историографии уральской сказочной прозы о Пугачевском восстании. — В сб.: Наш край. Свердловск, 1971, стр. 257—258.

⁴¹ Беседа автора данной статьи с Э. В. Померанцевой в феврале 1971 г. в институте этнографии в Москве. Поиски письма уральских писателей в фонде Ю. М. Соколова в архиве Гослитмузея и в ЦГАЛИ не привели пока к успешному результату.

⁴² Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни. Под ред. М. Горького, Д. Мирского. М., 1935.

⁴³ Дореволюционный фольклор на Урале. Собрал и составил В. П. Бирюков. Раздел второй составила и комментировала Е. М. Блинова. Свердловск, 1936.

Горького⁴⁴. И тем не менее, ощущался недостаток в материалах, особенно по советскому фольклору. Ю. М. Соколов в письме на Урал к Е. М. Блиновой по поводу издания «Дореволюционного фольклора на Урале» настойчиво просит прислать тексты повествовательного уральского фольклора (письмо от 22.VII. 1935 г.). Цитирую отрывок: «В заключение одно важное предложение: редакция «Двух пятилеток» и редакция «Правды» в экстренном порядке ждут материалов по советскому фольклору. Особенно нужны сейчас прозаические произведения: сказы, легенды, предания о гражданской войне, героях, вождах, успехах социалистического строительства. Отберите несколько наиболее ярких в общественном и художественном отношении образцов и пришлите мне для обеих редакций. Непременно только нужны обозначения, от кого, когда, кем запись произведена»⁴⁵. Ю. М. Соколов принимает предложение редактировать сборник «Уральский фольклор», составленный В. П. Бирюковым, и привлекает к отбору текстов группу своих учеников и сотрудников, так как видит большой общественный смысл в публикации фольклора⁴⁶.

Но общественный спрос опережал собирательские и издательские возможности. В этих условиях выходили книги с текстами, плохо отобранными, научно недостоверными.

В критических заметках и рецензиях на фольклорные сборники не было требования научной достоверности текстов с той систематичностью и обязательностью, с какими этот критерий должен был бы в них присутствовать. Именно об этом писал И. Кравченко: «...проявляется нездоровая тенденция идеализировать и нивелировать все, без исключения, фольклорные произведения, считать верхом совершенства все, что носит название фольклора. Установилось неписаное правило о каждом произведении советского фольклора говорить лишь в хвалебных тонах»⁴⁷. Критика была весьма осторожна, мало требовательна, и это обстоятельство привело к новым изданиям научно недостоверных текстов. Так, А. М. Астахова в рецензии на книгу С. Мирера и В. Боровика «Революция. Устные рассказы уральских рабочих о гражданской

⁴⁴ Творчество народов СССР. Под ред. А. М. Горького, Л. З. Мехлиса и А. И. Стецкого. М., 1937.

⁴⁵ ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 599.

⁴⁶ В письме к Е. М. Блиновой от 22.VII.1935 г. Ю. М. Соколов пишет: «Меня подкупают два обстоятельства — особая ценность именно уральского фольклора, главным образом, нового, советского, очень ярко окрашенного, а во-вторых, то, что составителем сборника является человек, который давно известен своим упорным краеведческим трудом и увлечением». (ЦГАЛИ, ф. 483, оп. IV, ед. хр. 599). Имеется в виду В. П. Бирюков. В письме к директору Свердловского издательства Перловскому и Блиновой по поводу сборника Ю. М. Соколов обстоятельно пишет о своих помощниках «в работе над приведением сборника в пригодный для печати вид...»: Э. В. Гофман (Померанцева), С. И. Минц (Семенова), Б. А. Шейдлин, В. Ю. Крупянская, С. С. Жистина, Ю. А. Самарин, М. И. Кострова, И. Н. Розанов, В. И. Чичеров, В. М. Сидельников, (ЦГАЛИ, ф. 483, оп. I, ед. хр. 767).

⁴⁷ И. Кравченко. Критика и фольклор. — «Резец», 1939, № 21—22, стр. 28.

войне» лишет об «очень бережном отношении к текстам» со стороны составителей книги, повторяет выражение Ю. М. Соколова о «подлинных, неизменных рассказах»⁴⁸. В рецензии С. Минц на сборник Е. М. Блиновой «Сказы, песни, частушки» (Челябинск, 1937) не ставится вопрос о подлинности текстов, об их фольклорной достоверности. С. Минц отмечает лишь, что сборник «должен иметь научный комментарий, дающий указания сказочных и песенных параллелей к данному материалу. Составитель должен точно паспортизировать свой материал, должен подробнее остановиться во вступительной статье на характеристиках носителей и творцов представленных в сборнике фольклорных произведений. Этим условиям сборник Е. М. Блиновой не отвечает»⁴⁹. Эти недочеты, на наш взгляд, — следствия одной причины, состоящей в том, что составитель сводил записи в один текст, почему и трудно было дать документацию текстов и биографический материал об информаторах. В рецензии В. И. Чичерова на сборник Е. М. Блиновой вопрос о достоверности текстов не поднимается и сборник оценен вполне положительно. Упрек состоит лишь в том, что нет материалов о гражданской войне и социалистическом строительстве⁵⁰.

Создается впечатление, что поскольку дореволюционная буржуазно-дворянская фольклористика игнорировала рабочий фольклор, а советские фольклористы выдвинули эту проблему в качестве одной из ведущих (и открыли идейно-художественную ценность произведений рабочего фольклора), то на первых порах в него «верстали» многое, что не было фольклором. Критика же не выполняла своей воспитательной роли. Она захваливала фольклорные публикации. Выгодно отличается от других рецензия Э. Гофман на сборник А. А. Мисюрева «Легенды и были (сказания алтайских мастеровых)» наличием критерия точной записи текстов: «Сборник А. А. Мисюрева, составленный из исключительно ценного материала, данного в **хорошей точной записи** (подчеркнуто мной. — В. К.), снабженный интересной статьей собирателя и необходимыми комментариями, — ценный вклад в изучение рабочего фольклора, в дело, являющееся неотложной задачей советской фольклористики»⁵¹. Это одна из первых рецензий, в которой сформулировано требование научно достоверных текстов.

Немалое значение имело и то, что природа жанров несказочной прозы не была разработана, не было научного представления об идейно-художественных особенностях преданий, легенд, расска-

⁴⁸ А. М. Астахова. Революция. Устные рассказы уральских рабочих о гражданской войне. — Советский фольклор, вып. 1. Л., 1934, стр. 193.

⁴⁹ С. Минц. Сказы, песни, частушки. — «Литературное обозрение», 1937, № 22, стр. 40.

⁵⁰ В. И. Чичерова. Е. М. Блинова. Сказы, песни, частушки. — «Детская литература», 1938, № 13, стр. 43—44.

⁵¹ Э. Гофман. А. А. Мисюрев. Легенды и были (сказания алтайских мастеровых). — «Литературное обозрение», 1939, № 11, стр. 32.

зов-воспоминаний, жанровые разновидности покрывались одним термином — «сказы»⁵². Не разработаны были в 30-е годы и проблемы текстологии фольклора.

III.

На полевую запись преданий распространяются все основные требования, предъявляемые к записи любого фольклорного произведения: 1) записать точно, ничего не убавляя и не прибавляя от себя; 2) записанное тщательно проверить; 3) записанный текст полно и точно документировать.

В то же время реализация этих требований находится в непосредственной связи с особенностями жанра преданий, их бытованием и имеет поэтому некоторые отличительные моменты.

Предания локальны, собрание их протекает успешно при условии осведомленности собирателя в истории района, населенного пункта, в котором предстоит работать, в географии данной местности (точнее, в названиях окрестных гор, рек, озер, населенных пунктов и т. п.). Успех полевой работы определяется, прежде всего, степенью и характером подготовленности к ней самого собирателя. Этот «родник народного творчества» (П. П. Бажов) — предания можно открыть и черпать из него только тогда, когда сам собиратель хорошо знает историю Урала, особенности труда и быта уральских рабочих, темы, сюжеты и образы общерусских и уральских преданий. Разумеется, надо учесть и записи преданий из данной местности, сделанные ранее.

Первая поездка в выбранную для обследования местность носит, как правило, разведывательный характер. Как бы ни был осведомлен собиратель в историко-географических сведениях, в фольклорных материалах, записанных до него, он еще не представляет, какие именно темы и сюжеты преданий встретит в процессе полевой работы.

Предания «не лежат на поверхности», их записи предшествуют осознанные целенаправленные поиски, умело ведущиеся собирателем разговоры.

Поскольку предание — это рассказ о прошлом, порою весьма далеком, то собеседника-информатора нужно настроить на соответствующий лад⁵³. Расположить собеседника к рассказыванию можно различными способами.

На практике проверено следующее начало беседы: собиратель

---

⁵² Е. М. Блинова. О тайных рабочих сказах Урала. — В сб.: Дореволюционный фольклор на Урале, стр. 210—215; В. И. Чичеров. Е. М. Блинова. Сказы, песни, частушки, стр. 43—44; Э. Гофман. А. Мисюров. Легенды и были (сказания алтайских мастеровых), стр. 30—32. В статье и рецензиях все рассказы сборников названы сказами, авторы не пытаются систематизировать их по жанрам.

⁵³ Практика показывает, что термина «предание» в народе не знают, употребление его собирателем не ведет к взаимному пониманию с информатором. Употреблять этот термин в полевой работе не рекомендуется.

начинает заранее продуманный разговор о том, что его интересуют не песни о любви и семейной жизни, не пословицы и частушки, а рассказы об историческом прошлом края (района, населенного пункта). При этом нередко случается услышать возражение, что про историю много написано в книжках, зачем же еще рассказывать. Не умаляя роли письменных источников, собиратель разъясняет значение народных представлений о событиях исторической и общественной жизни прошлого. Это объяснение обычно вполне благожелательно воспринимается собеседником, настраивает на серьезный лад, повышает значение начатого разговора, подчеркивает его важность.

В качестве собеседников большую часть выступают люди старшего возраста, главным образом мужчины. Предания — это преимущественно мужской жанр. П. П. Бажов, говоря о наиболее интересных рассказчиках, употреблял выражение «институт заводских стариков». Этот «институт» действительно существует, и при записи преданий на горном Урале значение его трудно переоценить. И в наши дни записываем предания, главным образом от стариков; складывается впечатление, что представления людей, выражающиеся в преданиях, «отстаиваются» в каждом поколении в людях старшего возраста. Они — носители житейского опыта в широком смысле этого слова, знатоки, хранители и передатчики традиции преданий.

С просьбы рассказать о прошлом поселка начался разговор с Михаилом Павловичем Петровым летом 1960 г. в пос. Висим, Пригородного р-на, Свердловской обл., на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка. М. П. Петров родился в 1882 г. в Висиме, здесь и прожил жизнь. Знает историю поселка, жителей, окрестности, грамотен, окончил трехклассную земскую школу. Для меня — собирателя и руководителя экспедиции — разговор с М. П. Петровым — это своего рода «разведка» в область висимских преданий. Отмечаю в тетради фрагменты, мотивы, сюжеты, которые затем участники экспедиции будут специально искать. В этом и смысл подобных бесед. Они обязательны в начале собирательской работы, так как выявляют тематический репертуар преданий.

В рассказе М. П. Петрова последовательно одна за другой возникают темы, намечаются группы висимских преданий: о старобрядцах-раскольниках («Дальше по Уральским горам есть могила отца Павла, туда к Петрову дню собираются молиться кержаки. А теперь милиция стала запрещать»); топонимические («Метелев лог, не было ли тут покосов метелевских. По ним и прозвали»); о прототипах героев произведений Мамина-Сибиряка («Емеля Шурыгин здесь был охотник, с Маминым-Сибиряком дружил. Тот его по лесам водил, а потом изобразил под видом Емели-охотника»); о быте старательского поселка («Когда здесь были золотоплатиновые прииска, тут народу-то было со всех сторон»); о взаимоотношениях старателей со скупщиками платины, о «заводских разбойниках» («Раньше у нас тут платину воровали,

часть сдадут скупщику, а часть себе оставят. Скупщик Тима Ерохин поедет из Висима платину в Тагил сдавать братьям Треуховым, а Кривенко подкараулит; платину отберет, убийств не было»; о беглых в уральских лесах («Беглыми пугали: «ты, смотри, далеко в лес не ходи, а то бегляки обидят»). Из тюрьмы убегут, беспаспортные, начнут свою жизнь в лесах»; о Демидове и начале его деятельности на Урале («Демидов первый в России сделал ружье, с этого их государь шибко полюбил и дал здесь поместье. Говорит, будто бы в Перми жил, а главное управление было в Тагиле»). Вспоминая учебу в земской школе, М. П. Петров рассказывает стихотворения «Кто он?», «Посмотри, в избе мерцает огонек светца...», упоминает книгу для чтения, составленную Паульсоном, рассказывает из этой книги, по его словам, «поучительные статейки»: «Ворона и воронята», «Завещание отца сыновьям». Таким образом, эта беседа дала представление не только о тематике висимских преданий, о мотивах и сюжетах, но и об одном из возможных источников народных представлений (христианства, книги).

На практике проверен и такой «подступ» к собиранию преданий, как рассказывание собеседником-информатором автобиографии. В 20-е гг. собиранием автобиографий занимался Н. Н. Юргин, рассматривавший их как самостоятельный и весьма оригинальный жанр словесного творчества: «Стремление к точной записи всего услышанного собирателем приводит к записи автобиографии. Автобиографии иногда оказываются настолько подробными и настолько интересными, что приобретают в глазах собирателя ценность уже совершенно самостоятельную, и тогда начинают записывать автобиографии уже не только от сказочников и певцов, но и от людей, не являющихся таковыми — от каждого, кто способен дать подробный рассказ о своей жизни. Автобиография вырастает таким образом в самостоятельный жанр устного словесного творчества»⁵⁴. Статья Н. Н. Юргина весьма значительна как одна из первых в советской фольклористике попыток разобраться в жанровом составе устных народных рассказов. При этом центральное место среди них отводится автобиографии, вбирающей в себя элементы других жанров: «...фактически в автобиографиях всегда есть в той или иной степени также элементы и всех других жанров. Рядом с эпизодами чисто автобиографическими включаются в рассказ эпизоды мемуарные и элементы летописания, и рассуждения на разные темы; при этом во многих случаях эти элементы настолько слитно даются в рассказе, что точную разграничительную линию между ними провести бывает очень затруднительно»⁵⁵. В связи с подобным жанровым составом автобиографий Н. Н. Юргин рекомендует записывать их и в том слу-

---

⁵⁴ Н. Н. Юргин. Собрание автобиографий и других рассказов. — «Краеведение», т. 6, № 7, 1929, стр. 422.

⁵⁵ Там же, стр. 424.

чае, если фольклорист интересуется специально не ими, а рассказами какого-либо другого плана: «Ценные и сами по себе, они могут лучше осмыслить и объяснить характер и происхождение того материала, которым занят собиратель специально»⁵⁶.

Внутри автобиографий Н. Н. Юргин отмечает и элементы предания: «...жанр, который можно назвать историческим или летописным, рассказы о том, чего сам рассказчик очевидцем не был, что слышал от людей»⁵⁷.

Мы полностью согласны с Н. Н. Юргиним в его оценке автобиографических рассказов. Из собирательской практики очевидно, что автобиографический рассказ — это один из путей к преданиям. П. П. Бажов в свое время советовал обращаться к автобиографическому рассказу в целях собирания фольклорных материалов на тему о труде людей: «Основная ставка здесь должна быть не на связный рассказ, а на биографию рассказчика. Если он долгие годы работал по любой отрасли, он, разумеется, знает немало интересных рассказов, хотя и не привык о них говорить другим. Слова одного могут быть пополнены или исправлены другим»⁵⁸.

Рассказ собеседника о своей жизни порою является лишь отрывным моментом. Рассказчик переходит к описанию того вида труда, которым он занимается (или занимался), например, к сплавной работе, затем к описанию чусовских скал, мимо которых много раз приходилось плавать. В результате получается рассказ автобиографического характера, содержащий оценку труда, показанного глубоко и ярко. Рассказ выявляет этические и эстетические представления информатора и проливает свет на мировосприятие той социально-профессиональной группы, к которой он принадлежит. В автобиографических рассказах о сплавной работе содержатся топонимические предания о названиях чусовских скал-бойцов; в связи с этой темой был упомянут силач Василий Балабурда. Стал вырисовываться интересный фольклорный образ. Начались специальные поиски преданий о нем, давшие свои результаты⁵⁹. Таким образом из собирательской практики напрашивается вывод в отношении автобиографического рассказа: автобиография — надежный путь к преданиям.

Моим собеседником в г. Полевском Сысертского р-на Свердловской обл. был летом 1964 г. Михаил Прокофьевич Шапошников, 1888 г. рождения. Рассказ его, насыщенный преданиями, на-

---

⁵⁶ Н. Н. Юргин. Собрание автобиографий и других рассказов, стр. 429.

⁵⁷ Там же, стр. 424.

⁵⁸ П. П. Бажов. Публицистика, письма, дневники. Свердловск, 1955, стр. 106.

⁵⁹ См. сб.: Предания реки Чусовой. Разделы: О сплаве барок и плотов; О Василии Балабурде; О Чусовских «камнях»-бойцах. Составитель и автор статей канд. филол. наук В. П. Кругляшова. — «Уч. зап. Уральского ун-та», серия филологическая, № 18, 1961.

чался со сведений автобиографических, а затем выбрал в себя предания: «Отец был старатель. Лет 13-ти я сделался, поехал с отцом и братом на Омутинку и Крутоберегу. Пробили шурф, сначала идет торф, потом речник, потом песок с содержанием платины. Заявили в контору, нам намеряли 90 сажень. Намыли ничего, поробили год. Через год пошли на Крутоберегу. Там есть поддерник, глубина 1 метр 20 — 1 метр 30; воды было много, воду откачивали день и ночь. Работали компанией: Александр Александрович Потеряев, Дмитрий Степанович Шапошников, отец Прокофий Петрович Шапошников. 15 лет летами работали на Крутоберегой, 18 км отсюда. Приезжали 1 мая, когда земля распухнет, чтобы мерзляди не было. Ставили два машерта и работали. Зараблывали рублей по 12—13 в неделю на пай. На Красной Горке работал лет пять. «Золото моем — голосом моем». Это правда. В земле-то не видно. А людям верить — так не попадешь. Пробили шахту за Большим угором, 22 метра глубиной, тут раньше работал подрядчик Белкин, а наши-то пробрили — ничего не оказалось. Вот почему и есть поговорка: «Золото мыть — голосом выть». Есть — так хорошо, а нет — так плохо. Раньше пенсии не было, вспомоществования не было. Есть что в кармане — так то только и есть. Клады искали. На Азове (есть гора у нас Азов, отсюда километров 7, у них есть какая-то там девка Азовка или королева земного царства (вы сами сообразите, как ее звали), есть пещера с северной стороны. И вот все считали, что там имеется клад. Некоторые люди ходили, но туда зайти не могли. Или заваливало, или что. А направление было. Пройдут метров 6 — и все. На Азове жили хищники, чужим трудом разживались. Это считалось так. Идет обоз из Серег, возили хлеб, всякий товар. Нападут, ограбят, а в пещеру все клали. Здесь есть Большой угор. Если на Азове пропустят, то зажигают факел берестяной, подают знак: «пропустили, подготовляйтесь». И накроют здесь, на Большом угоре. А еще есть Думная. Старички П. П. Бажов, Антропов все и думали на Думной горе, как бы людям сделать жизнь лучше. Собираются ночью в избе и решают вопрос, как что сделать. Вот отсюда «Думная гора». (Записано автором).

Автобиографические сведения о старательской работе переходят в толкование пословицы «Золото моем — голосом моем» на основании собственного жизненного опыта рассказчика, затем естественно возникает тема кладов, к поискам которых обращались люди в надежде выйти из тяжелого материального положения; в рассказе об Азове встречаем фрагменты преданий об Азове, затем следует предание о разбойниках (хищниках) на Азов-горе и Большом угоре и топонимическое предание о Думной горе. Так автобиографический рассказ явился путем к преданиям и своего рода хранилищем преданий.

В пос. Черноисточинск Пригородного р-на Свердловской обл. в 1961 г. мне довелось услышать обстоятельный рассказ о рабочей семье Матвеевых от Адриана Авдеевича Матвеева, 1889 г.

рождения: «Мой дед демидовский рабочий крепостником⁶⁰ был. Работал на угле, Артамон Степанович Голицын. И он и сын с тем померли, что на приисках не были, а были демидовские рабочие. Вздумал жениться, взял обыкновенную девушку и не спросился у управителя завода. А раньше такое право было, управитель распоряжался. Вот и отсидели по 7 суток и сам Артамон и его жена. Посадили молодых в Татил в каменную тюрьму возле плотины. В ту пору все право было у заводчиков. История ихней семьи была такова: мой прадед, отец Артамона, Степан Трефилович Голицын был жержак закоренелый. В то время не призывы были на военную службу, а просто хватки такие. Степана вызывают в контору, говорят: «Крестись в церкви, а то возьмем сына в солдаты». Он велит старшему сыну Артамону: «Приведи Клементия и Онурия». Бабушка беспокоится, зачем отец сначала ушел, потом сыновей вызвал, ведь там и пороли. Он сразу их и сдал в солдаты, а креститься в церковь не пошел. Другой сын Степана — Авдей — 25 лет служил.

Демидовскими рабочими распоряжались как скотом. Если здесь угля достаточно, погонят в Верхний Татил, там работать. Что уж, раз они подвластны были. Со стороны демидовских жержак насилие было. Тюрьма-то демидовская на заводской территории под землей. Прямо из кричного цеха вход в нее был. Кто норму не выполнит, так туда и втолкнул. Там две тюрьмы, обе в плотину вделаны были. За невыполнение туда как в карцер толкали. Как стали утиль здесь первый собирать, сдали ему чугунные лапти, обыкновенные мужские лапти. Для чего они были, не знаю. На людей их надевали в старое время. Для завязок дырочки были, петли. Здесь их не могли отлить, у нас не было чугунного литья. Они были откуда-то привезены. Может быть, их в наказание одевали. А, может быть, боялись, что люди убегут, так их и надевали.

Сильно искал руду Демидов. В 1937 г. на горе Широкой нашли выработку руды, а потом по карте Высоцкого посмотрели, так там есть зарисована выработка. Нашел руду Демидов. Была Комариха в старое время. По ее признакам все найдено. Она не знала, что там есть руда. Она не золото находила, а признаки золота, а это все связано с золотом. Где автобусная остановка, там ее дом стоял. Эта Комариха в молодые годы жила у богатых, у Треуховых. У них золото было спрятано в подвале. Она пошла туда и закричала: «Горим!». А пожара и не было. Когда золото убрали, она уж пожара и не чувствует. Когда у нее муж робыл за Левихой, ей приходилось ездить через Левиху, в то время никто не знал, что там руда есть. Как только доезжают до этого места, получалось причудье, она была беспамятна, ей мерещило. Впоследствии, где ей мерещило, Левиху открыли. Она идет по ягоды, видит старателя Абрама Исаича, говорит: «Не там ста-

⁶⁰ Из контекста ясно, что «крепостным».

раешься, а здесь надо». Впоследствии Тит Шмелев нашел это золото. Едут они с мужем, она говорит: «Вот здесь ведро породы достать, полведра золота будет». Но ничего этого не нашли. А Тит себе на это золото каменный домочек построил. Тит говорит: «Я золото нашел по Комарихиным сказкам». (Записано автором).

Рассказ автобиографического плана начинается с семейных преданий потомственных демидовских рабочих о женитьбе деда без разрешения управителя завода и постигшем его наказании, об упорстве прадеда-раскольника, который пожертвовал сыновьями, но не изменил своей вере. Затем следует рассказ о чугунных лаптях и предание о необыкновенных свойствах Комарихи «видеть» и «чувствовать» золото сквозь землю. В целом рассказ, в особенности его первая половина, выглядит как устная летопись рабочей семьи.

«Подступы» к беседе могут быть разнообразными, в зависимости от целей собирателя, от возраста и других особенностей собеседника, а также от условий, обстановки, в которых происходит запись. Но при всех обстоятельствах роль собирателя не пассивна. Он начинает беседу и умело поддерживает ее, вызывая интерес к теме разговора. При этом искусство собирателя проявляется в том, чтобы не стеснять рассказчика, т. е. не навязывать ему художественного решения темы и не направлять его по видимому собирателю сюжету. Во время рассказывания собиратель активно слушает, т. е. своим видом и репликами, и вопросами показывает заинтересованность рассказом. Если рассказ протекает в группе людей, то роль активно воспринимающей среды выполняют слушатели: вопросами, дополнениями, эмоциональными восклицаниями они воодушевляют рассказчика, помогая этим собирательской работе. М. Азадовский в «Беседах собирателя» высказывает мысль об обязательной осведомленности собирателя в сказочном материале, чтобы «если сказочнику кажется, что он ничего не вспомнит, «наводить» сказочника, подсказывая и напоминая ему различные сюжеты»⁶¹. «Иногда бывает полезно попытаться самому рассказать сказку, найдя для этого подходящий случай. Это всегда дает прекрасные результаты, так как невольным образом возникает момент соревнования»⁶². При записи преданий осведомленность в материале обязательна не в меньшей, а в большей степени. Возможен и рассказ преданий собирателем. Собеседник-информатор действительно убедится в осведомленности собирателя. Может возникнуть «момент соревнования». А может и не возникнуть, так как собеседника как бы отпугнет эта осведомленность, он замкнется в себе. Надо учитывать характер собеседника.

Запись преданий о Ермаке на р. Чусовой в 1959 г. обычно начиналась с разговора о камне «Ермак» в низовьях Чусовой и

⁶¹ М. Азадовский. Беседы собирателя, стр. 57.

⁶² Там же, стр. 58.

выяснения, откуда произошло это название. Естественно, что предания начинаются с описания камня: «Ермак — не опасный камень. Спокойно мимо его плывешь. Человек там жил Ермак. Старинный человек. Он шел по Чусовой снизу кверху...» и т. д.

Или:

«На Чусовой камень Ермак есть, высокой камень, сверху в нем вход есть, как окно, на Чусовую. Там палка привязана, висит веревка...».

Или:

«Каким камням есть название — так это и наши деды и бабки так и звали. Ермак-камень — говорят, Ермак тут когда-то существовал...»⁶³.

Собирательская практика убеждает в том, что положительные результаты дает ознакомление информатора с уже записанными текстами преданий, а также запись от группы людей. В д. Мартыановой в 1959 г. состоялся разговор с группой стариков: Николаем Каллистратовичем Ошурковым (1886 г. рожд.), Моисеем Петровичем Мазениным и Степаном Каллистратовичем Ошурковым (1872 г. рожд.) о кладах, таящихся в земле. Наши собеседники, дополняя друг друга, рассказали предание о лодке Ермака, полной денег, а также о нахождении клада клепанных из красной меди денег Федором Павловичем и Василием Денисовичем Ошурковыми⁶⁴.

«Подступом» к записи преданий может быть обращение собирателя к произведениям других жанров с целью вызвать в памяти собеседника-информатора необходимые образы, сюжеты, представления. Так, прочтение собирателем первого четверостишия рекрутской песни «Последний нынешний денечек...» вызвало обстоятельный рассказ Филиппа Ильича Голицына (1890 г. рожд., пос. Черноисточинск Пригородного р-на, 1961) о наборе рекрутов в армию. Примечательно, что заканчивает свой рассказ Ф. И. Голицын также словами песни: Хорош мальчик уродился, Во солда тушки сгодился... (Архив автора. Черноисточинск, 1961).

Предания могут возникнуть в беседе как толкование пословицы или как комментарий к произведениям местных поэтов. В Висиме пели об «Овериной кулиге»:

Над Кулигою стонет Оверя,
Похудел он и ночи не спит,
«И не знаю, что будет теперь», —
Сам с собой Елизарыч твердит.
«Подлецы все, мошенники стали,
Грабят средь белого дня.
Как на мокрую мышь нападают
Шерамыги теперь на меня».

⁶³ Предания реки Чусовой, стр. 49—50, № 33, 35, 36.

⁶⁴ Там же, стр. 51—52, № 43.

А затем Нефед Федорович Огибенин (знаток народной драмы «Шайка разбойников «Черный ворон») пояснил: «У Аверьяна Елизаровича Огибенина была большая кулига на правом берегу Шайтанки, с большим содержанием платины (Оверина кулига). Узнали о платине одиночки-старатели («шерамыги») и стали по ночам промывать платину. Этому факту висимской жизни и посвящено насмешливое стихотворение К. С. Канонерова». (Архив автора. Висим, 1963).

У преданий в их живом бытовании обнаруживаются контакты с песнями. Тематически близкие или аналогичные преданию песни цитируются дословно или пересказываются своими словами, но приближенно к тексту: «Ермак — казак, как ребята в армии рассказывали. Его царь хотел казнить. За что? Да он как Стенька Разин за народ стоял. Он вот тут на нашей Чусовой стоял, потом до Камы добрался. Он имел 800 человек, он сказал: «Будет мне безобразить, нападать на купцов, надо себе оправдание делать». И пошел он с шайкой своей с ордами, с татарами воевать. У него тяжелый панцирь — дар царя стал гибели его виною и утащил на дно героя. Когда они спали, на их напали татары, так уж я расскажу:

Ермак воспрянув ото сна,
Но далеко от берега челны,
Тяжелый панцирь, дар царя,
Стал гибели его виною.
Он погрузил на дно героя.

А татарва-то обхватила их, а челн, лодки далеко, им не пришлось; чем даваться живому, да чтоб над ним галились, он бросился в Иртыш.

В особенности перед наступлением я садился в середку и запевал Ермака. Чтобы ребят воодушевить, чтобы они не дрогнули. Ермак был в почете. Это было в 1914 году. В пехоте был. Ночью идешь, темень, ничего не видно. Потом попал в плен, 2 года в Германии, а в 18-м году бежал оттуда. Молоденьких ребят надо чем-то подымать, чем-то веселить».

(Записано автором от Шапошникова Михаила Прокофьевича, 1888 г. рожд., г. Полевской, 1964). В тексте синтез предания и рассказа-воспоминания, в предании — пересказ песни о Ермаке, литературного происхождения («Смерть Ермака», дума К. Ф. Рылеева) и цитирование ее.

Весьма желательны (и нами проводились) повторные экспедиции в те места, где записи производились ранее⁶⁵.

---

⁶⁵ В пос. Висим Пригородного р-на Свердловской обл. работали в течение 5 лет, результатом чего явился сборник «Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка». Повторные экспедиции проводились в населенные пункты Свердловской обл. — пос. Черноисточинск (1960, 1962), г. Н. Саллу (1966, 1967, 1970), г. Полевской (1961—1967), г. Невьянск, д. Полдневую (1963, 1969), г. Алапавск (1963, 1966), г. Н. Тагил (многократно).

СобираТЕЛЬская практика показывает, что повторная запись текста даже через сравнительно небольшой отрезок времени не открывает возможности проверить дословную точность первоначальной записи: записано будет несколько другое произведение, нельзя ждать от информатора совершенно точного повторения рассказа. Но в то же время несомненно, что повторная запись убеждает в тематическом и сюжетном соответствии первоначальной записи рассказу. Сопоставление же первоначальных и повторных записей служит выяснению живых процессов жанра: судьбы традиции, степени и характера импровизации, своеобразия варьирования и других.

Весьма важно фиксировать обстановку, в которой происходит рассказывание, а также возгласы, реплики, комментарии слушателей. Запись текста обрастает важными деталями, становится этнографо-фольклористической, способствует выяснению функции предания в его активном бытовании.
